

WILL HILL

*After
The Fire*

УИЛЛ ХИЛЛ

После
пожара

Перевод Надежды Сечкиной

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х45

AFTER THE FIRE
by Will Hill

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Хилл, Уилл.

Х45 После пожара / Уилл Хилл ; пер. с англ. Н. Сечкиной. — Москва : Popcorn Books, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-6048362-4-8

Раньше она жила за забором. Раньше ей не разрешалось покидать территорию, не разрешалось разговаривать с Чужаками, не разрешалось высказывать свое мнение. Потому что отец Джон любил правила и контролировал все. Нарушить их значило навлечь на себя ужасное наказание.

Раньше она думала, что ее от чего-то защищают. А сейчас ей говорят, что она наконец в безопасности.

Но она не знает, кто лжет, а кто говорит правду. Она знает только то, что все изменилось после пожара...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-6048362-4-8

Copyright © Will Hill, 2017
Illustrations copyright © Karmen Loh
Author's photo © by Gary Doak
© Н. Сечкина, перевод на русский язык, 2022
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

*И болтливому лжецу,
И ночному ездоку,
Лоботрясу, подлецу,
Записному игроку
Так скажи: за все грехи
Ждет их Божья кара!
(Народная песня)*

Я мчусь через двор — из глаз текут слезы, сердце бешено стучит в груди. От грохота выстрелов едва не лопаются барабанные перепонки, я слышу — на самом деле слышу — свист пуль, низкий, протяжный гул, напоминающий жужжание насекомых в ускоренной записи, однако я не сбавляю скорость и не меняю направления. Часовня полыхает, и огонь уже не потушить — крыша объята ревушим пламенем, от нее в небо поднимается грибовидный столб черного дыма; усиленный динамиками голос федерала разносится по всей Базе, на оглушительной громкости повторяя один и тот же приказ: «БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ, ПОДНИМИТЕ РУКИ И МЕДЛЕННО ИДИТЕ ВПЕРЕД!» Его никто не слушает, ни другие федералы, ни — уж это точно — кто-либо из моих Братьев и Сестер.

Издаലെка, от главных ворот, в мою сторону с рокотом ползет танк — сминает тонкую проволочную сетку, взрывает сухую пустынную почву. Сквозь тархтение моторов и нескончаемую пальбу я различаю стоны боли и крики о помощи, но велю себе двигаться дальше: мой взгляд устремлен на деревянные постройки в западной части Базы.

Обо что-то спотыкаюсь. Ноги заплетаются, я расплываюсь на потрескавшемся асфальте. От удара плечом

о землю меня пронзает дикая боль, но я стискиваю зубы, встаю и оглядываюсь: на что же я налетела?

Элис лежит на спине, прижимая руки к животу. Рубашка вся красная, вокруг на земле — лужа крови; невозможно, чтобы столько крови вытекло из одного человека. Тем не менее Элис еще жива. Взор затуманен, однако ее глаза находят мои. Нет сил описать то выражение, с которым она на меня смотрит. В ее взгляде сквозит боль, чудовищная боль, шок, страх и что-то вроде недоумения, словно Элис пытается понять, как вообще так вышло.

Я держу зрительный контакт. Мне хочется остаться с Элис, быть с ней и говорить, что все будет хорошо, что она поправится, но все совсем не хорошо, все ужасно, и я сознаю, хоть и не разбираюсь в огнестрельных ранах, что Элис уже не поправится. Я почти не сомневаюсь, что она при смерти.

Я гляжу на нее, теряя драгоценные секунды — та часть моего мозга, которую еще не отшибло, в панике сигнализирует мне об этом, — потом разворачиваюсь и бегу к западным баракам. Глаза Элис расширяются, но гнева в них нет. Кажется, она понимает, что я должна сделать. Во всяком случае, так я себе говорю.

Из клубов дыма появляется фигура, я резко торможу и вскидываю ладони, однако выясняется, что это не боец из отряда федералов — эти вооружены, экипированы черными шлемами и защитными очками, — а Эймос. Глаза у него воспаленные и опухшие, одна рука безвольно повисла, в другой, здоровой, пляшет пистолет.

— Где отец Джон? — хриплым, надтреснутым голосом спрашивает он. — Ты его видела?

Я качаю головой и пытаюсь прошмыгнуть сбоку, но он хватает меня за предплечье и притягивает к себе.

— Где он? Где Пророк? — скрежещет Эймос.

— Не знаю! — кричу я, ведь танк уже во дворе, перестрелка усилилась, а пожар стремительно перекидывается с одной постройки на другую.

Я изо всех сил толкаю Эймаса, он отшатывается и нацеливает на меня пистолет, но я не стою на месте. За моей спиной слышатся выстрелы, однако ни один из них не достигает цели, и вот я уже скрываюсь за завесой дыма.

В тот же миг становится трудно дышать; я зажимаю ладонью рот и нос, но густой ядовитый дым просачивается между пальцев и я начинаю кашлять. На бегу я повсюду замечаю поверженные тела моих Братьев и Сестер, темные фигуры, которые мне приходится огибать то слева, то справа. Некоторые еще шевелятся — пытаются ползти или дергаются, точно в припадке, но таких мало. Большинство лежат недвижно.

Передо мной выступают из мглы западные бараки, их стены и плоские крыши увиты клубами едкого дыма. Сзади безостановочно гремят выстрелы, и пуль, рассекающих воздух, так много, что мной владеет уверенность: рано или поздно неизбежное случится. Но главное для меня — успеть отпереть двери, а остальное неважно. Совсем неважно.

Я кое-как продираюсь сквозь самую гущу дыма и двигаюсь к ближайшему барaku, на ходу вытаскивая из кармана мастер-ключ. Хватаю висячий замок, слышу какое-то шипение и долю секунды не могу сообразить, что произошло, пока внутри меня не взрывается боль. Пытаюсь отдернуть руку, и почти вся кожа на моей ладони остается приваренной к металлу замка. Я падаю на колени, прижимая изувеченную левую кисть к животу, с губ срывается воистину нечеловеческий вопль. Она захлестывает меня. Она — это боль. Кажется, будто руку держат в банке с кислотой, и, пока сознание силится осмыслить эту попытку, все остальное отступает на задний план: вонь дыма, жар огня,

треск выстрелов. Со всех сторон наползает серый туман; он словно бы гасит остроту восприятия моих органов чувств. А потом я ощущаю толчок в спину, лечу вверх тормашками и оказываюсь на земле.

Надо мной стоит один из федералов: лицо скрыто за маской, зияющее дуло пистолета смотрит мне в переносицу.

— Руки подними, чтобы видны были! — Голос явно мужской. — Покажи руки!

Я поднимаю над головой дрожащие ладони.

— Пожалуйста, — сиплю я. — Там дети. В бараках дети. Прошу вас.

— Заткнись! — рычит он. — Ни звука!

— Прошу, — повторяю я. — Они там, в бараках. Вы должны им помочь.

Федерал окидывает взглядом строения. Меня мутит, кружится голова, и я чувствую, что от боли, полыхающей в кисти, вот-вот потеряю сознание, но заставляю себя не закрывать глаза, заставляю слабеющий разум сосредоточиться на темной фигуре, что нависает надо мной.

— Замки, — шепчу я и протягиваю солдату мастер-ключ. — Пожалуйста...

Силы мне изменяют. Федерал смотрит на бараки. Затем на меня. И снова на бараки.

— Вот дерьмо! — восклицает он, выхватывает у меня ключ и поворачивается к двери. На моих глазах он берет замок обтянутой перчаткой рукой, вставляет ключ в замочную скважину, и на какое-то жуткое мгновение я задаюсь вопросом: а вдруг все это лишь напрасная трата времени, вдруг есть замки, которые нельзя отпереть даже мастер-ключом? Но вот цилиндрик повернулся, и замок с щелчком открывается. Федерал распахивает дверь, потянув ее на себя, и наружу толпой вываливаются мои Братья и Сестры — они кашляют, отплеваются, из покрасневших глаз текут слезы.

— Идите к главным воротам, — с трудом выдавливаю я. — Держитесь вместе. Поднимите руки.

В задних рядах я вижу Хани, и грудь наполняет чувство, моментально заглушающее боль в обожженной ладони. Веки у нее опухли, она бледна, однако губы сжаты, подбородок вздернут, выражая знакомую решимость, и, по крайней мере, она жива. Я сомневалась, что увижу ее живой.

Она выводит последних напуганных, плачущих малышей на свободу и ведет их на юг, в сторону главных ворот. Федерал бежит к следующему бараку, при помощи рации вызывая подкрепление, и внутри у меня как будто что-то лопается — облегчение до того велико, что ощущается почти физически. Оно вдыхает новую жизнь в мои измученные мышцы, и я кое-как принимаю сидячее положение.

Дети пробираются по двору, послушно вскинув вверх ладошки. Внезапно вокруг них возникает суматоха: федералы выскакивают из-за пелены дыма, подхватывают моих Братьев и Сестер на руки и выносят через широкие бреши в сетчатом заборе. Малыши хнычут и зовут родителей, и мое сердце разрывается от жалости, однако они живы, живы, и важнее этого нет ничего. Это единственное, что имеет значение сейчас, когда мир объят огнем.

Я слышу вопль — такой громкий и пронзительный, что прорывается сквозь гром стрельбы и рев адского пламени, — и невольно поворачиваю голову. Неподалеку от пыляющих руин часовни двое федералов схватили Люка, его держат сразу и за руки, и за ноги. Он бешено отбивается, рычит и требует поставить его на землю, отпустить к остальным, дать Вознестись.

Его голос, полный ярости, религиозного пыла и неистовой, отчаянной паники, — последнее, что я слышу перед тем, как меня накрывает темнота.

После

...Меня уносит течением...

...кисть руки словно охвачена огнем. Я открываю глаза. Вокруг сплошь белый цвет, слышно ритмичное пиканье, надо мной нависает нечто безликое, я пытаюсь кричать, но не получается, и мне так страшно, что я ничего не сообщаю, глаза закатываются и...

...на меня смотрит мужчина: его лицо — лишь глаза над белой медицинской маской, он показывает огромную иглу, я безмолвно таращусь на нее, потому что оцепенела от страха, и, когда он вгоняет ее мне в вену, я этого даже не чувствую, ведь раскаленная боль в кисти по-прежнему заслоняет собой все остальное. Я знаю, кто такие врачи, — с той поры, когда была маленькой и смотреть телевизор еще разрешалось, — но в реальной жизни с доктором сталкиваюсь впервые, а в моих мыслях Пророк орет, что доктора — агенты ПРАВИТЕЛЬСТВА, что все они — ПРИСЛУЖНИКИ ЗМЕЯ. Его голос гремит у меня в голове, сотрясая мозг так, что меня начинает мутить, и от ужаса я не могу даже вдохнуть, а врач в это время пластырем прикрепляет к коже иглу, введенную мне в вену, и подсоединяет ее к трубке, на другом конце которой — прозрачный пакет

с молочно-белой жидкостью. Доктор произносит какие-то непонятные слова, а затем жидкость начинает медленно течь по трубке — я вижу, как она подбирается к моей руке, но не могу пошевелить ни единым мускулом; на фоне воплей отца Джона мне удается сформулировать мысль: что будет, когда молочная жидкость проникнет в меня, останусь ли я самой собой, когда очнусь?..

...свет ламп над головой бьет в глаза, боль заметно уменьшилась, пластиковый пакет на конце трубки опустел, и у меня уже получается приподнять голову настолько, чтобы увидеть пухлую «перчатку» из бинтов, которыми обмотана кисть моей левой руки. Время от времени доктор подходит к моей кровати и смотрит на меня, иногда я слышу в отдалении громкие голоса, а иногда принимаюсь плакать и не могу остановиться. Мне слишком жарко, слишком холодно, и все не так, и я по-настоящему хочу домой, потому что даже там было лучше, чем здесь. Мужчина в фуражке и форме спрашивает, как меня зовут, но в мозгу у меня снова ревет отец Джон, и я не отвечаю. Он повторяет вопрос, я снова молчу, он устало закатывает глаза и уходит...

...женщина в форме просит кого-то усадить меня, подомной просовываются чьи-то руки, пальцы вжимаются в кожу, меня тянут вверх, и вот я уже сижу, опираясь спиной на подушку.

— Так-то лучше, — произносит женщина в форме, и я едва не усмехаюсь: какое там «лучше», ничего даже отдаленно похожего на «лучше» и в помине нет. — Скажешь, кто устроил пожар? — спрашивает она, и я качаю головой. — Кто раздал оружие? — Опять качаю головой. — Ты видела Джона Парсона после того, как началась перестрелка? — С моей стороны та же реакция. — Что произошло в главном доме?

Что ты там делала? — Я качаю головой. Женщина пристально смотрит на меня, и ее тон становится ледяным: — Девочка моя, погибли люди. Много людей. Самое время тебе заговорить. — Она склоняется ко мне, намерений ее я не знаю, поэтому отворачиваюсь и вижу у нее на ремне золотистый жетон с надписью: «УПРАВЛЕНИЕ ШЕРИФА ОКРУГА ЛЕЙТОН».

Мое сердце замирает, я слышу собственный крик, женщина в форме шарахается, в ее распахнутых глазах — шок; до меня доносится торопливый топот, сердце вновь начинает качать кровь, я мечусь в постели, кричу и кричу, кто-то прижимает мои руки и ноги к кровати, доктор подносит ко мне очередную иглу и...

...из темноты выплывают лица моих Братьев и Сестер, тех, кого я знала всю свою жизнь, их волосы в огне, кожа на лицах плавится, и они бесконечно повторяют два слова, хором выкрикивая: «ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА!» Я отворачиваюсь и хочу бежать, но земля подо мной превращается в зыбучий песок и затягивает меня по щиколотки, в то время как кончики чьих-то пальцев касаются моих плеч и затылка, я охвачена ужасом, но не могу издать ни звука, потому что у меня свело челюсти. Все, что в моих силах, — это брести сквозь чернильный мрак, с трудом переставляя ноги, и пытаться отыскать путь назад...

...мужчина в темном костюме стоит у моей кровати, я вся взмокла от пота, левая кисть горит, точно ее жалит целый рой насекомых, и такой страшной усталости я, кажется, прежде не испытывала. Все тело будто из свинца и бетона, и на всем свете нет ничего тяжелее моих век. Мужчина говорит, что меня переводят, я пытаюсь спросить куда,

но из-за того, что рев отца Джона в моей голове приказывает никогда не разговаривать с Чужаками, я издаю лишь свистящий шепот. Мужчина говорит, что не знает, я собираюсь с последними силами и спрашиваю его, кому удалось выбраться из пожара. Он морщится и уходит...

...я держу в руке малярную кисть, с нее капает васильково-синяя краска, и я понимаю, что сплю, но мне все равно, потому что просыпаться я не хочу. Передо мной деревянная стена, которую я крашу, издали доносится рокот волн, разбивающихся об утес; ноздри ощущают запах дыма, что поднимается из трубы, и я знаю, что, посмотрев под ноги, увижу зеленую траву, но не смотрю. Я крашу одну деревянную доску, за ней вторую, третью...

...другой мужчина в точно таком же темном костюме зачитывает с листа список имен. Хани, Рейнбоу, Люси, Джеремайя — я слышу эти имена и от облегчения заливаюсь слезами, мужчина мне улыбается, и это первая улыбка, которую я вижу за все время, пока лежу на этой кровати, а мужчина продолжает перечислять имена, но вскоре умолкает, и на смену моему облегчению приходит горе, а слезы все льются, ведь список совсем-совсем короткий...

...потолок движется — двое докторов катят мою кровать по коридору, потом завозят в пустую металлическую коробку, которая дребезжит и трясется так, что у меня внутри все переворачивается. Я хочу дотянуться до стен, чтобы обрести опору, но один из докторов укладывает мои руки обратно на кровать, левая кисть вспыхивает болью, я кричу, и доктор говорит: «Извини», но его взгляд холоден, а рот скрыт под маской. Звуковой сигнал, толчок, порыв свежего ветра, и вот я снова в движении, мне видна полоска неба,

такого же синего, как стена в моем сне, а затем меня поднимают и вкатывают в другую металлическую коробку, только в этой какие-то стеллажи с ящиками, бутылочками и незнакомыми мне устройствами. Подо мной слышится рокот — где-то рядом завелся мотор. Звук чем-то напоминает урчание двигателя в красном пикапе Эймаса, только гораздо громче и агрессивнее...

...женщина с добрым лицом, одетая в белую униформу, помогает мне подняться с кровати, на которой я лежала с того момента, как пришла в себя, и бережно укладывает на другую в квадратной белой комнате с окошком, вделанным в стену почти под потолком. Если мне что-нибудь понадобится, нужно нажать на оранжевую кнопку возле двери, говорит она, и у меня к горлу подкатывает комок, я прошу ее не уходить, она обнимает меня, и я снова начинаю плакать, и голос на задворках моего сознания делается по-настоящему сердитым, ибо так много слез я не пролила с раннего детства, однако я ничего не могу поделать. Женщина с добрым лицом утешает меня, гладит по волосам; все хорошо, повторяет она, все будет хорошо, и, если что, она рядом. Затем она аккуратно высвобождается из моих объятий и, улыбнувшись мне напоследок, выходит и затворяет за собой дверь, и я, лежа в постели, слышу, как с тяжелым металлическим стуком защелкивается замок...

...меня уносит течением...

После

Я сижу на диване с обивкой вишневого цвета и никак не могу унять дрожь в коленках; кисть сильно болит, я пытаюсь отогнать страх, но тщетно, ведь я не знаю, что меня ждет. Я даже не представляю, где нахожусь.

Это помещение больше моей комнаты на Базе, но все равно довольно маленькое. Стены в нем светло-серые, на полу лежит темно-серый ковер, из мебели имеются вишневый диван и широкий стол, к которому на дальнем конце приставлены два стула, обращенные в мою сторону. Тут чисто и опрятно, на столе лежит какой-то приборчик, над дверью — камера видеонаблюдения. Женщина с добрым лицом, одетая в белую форму, — *сестра Харроу*, шепотом напоминает внутренний голос, *она сказала, ее зовут сестра Харроу*, — привела меня сюда пять минут назад, и перед тем, как она распахнула дверь, я прочла надпись на табличке: «Кабинет для интервью № 1». Перед уходом сестра Харроу поинтересовалась, не нужно ли мне чего-нибудь. Я не знала, что и ответить.

Раздается щелчок дверного замка, и у меня перехватывает дыхание. Дверь открывается, входит мужчина: невысокий, с густой бородой, редящими волосами и с морщинками, глубоко залегшими в уголках дружелюбных глаз. На нем белая рубашка с галстуком, через плечо перекинута кожаный

портфель на ремне. Незнакомец выдвигает стул, садится, достает из портфеля несколько блокнотов и ручек и аккуратно раскладывает их перед собой. Обустроившись, он нажимает кнопку на приборчике, дожидается, пока на нем вспыхнет маленький зеленый индикатор, и наконец улыбается мне.

— Привет, — произносит он.

Я молчу.

Я помню, что задала человеку в костюме вопрос — раньше, когда лежала в полузабытьи. Сейчас я соображаю лучше, однако некоторые вещи настолько прочно закрепились у меня на подкорке, что я уже и не помню того времени, когда их там не было, поэтому мне трудно переосмыслить свое отношение к ним даже теперь, после всего случившегося.

Никогда не разговаривайте с Чужаками. Никогда.

— Меня зовут доктор Роберт Эрнандес, — продолжает он. — Я заведу психиатрическим отделением детской больницы при Техасском университете в Остине. Понимаешь, что это означает?

Я не отвечаю.

— Я занимаюсь здоровьем детей, — поясняет он. — В частности, тех, которые пережили травмирующие события. Я слушаю их и стараюсь помочь.

В моем сознании отец Джон визжит, что единственная цель Чужаков — причинить мне вред, поиздеваться надо мной и убить.

— Знаю, ты оказалась в жуткой ситуации, — говорит доктор Эрнандес. — Пережила настоящий ад и страдаешь от боли. Однако я вовсе не враг, что бы там тебе ни внушали, и, клянусь, я не сделаю тебе ничего плохого. Я лишь хочу тебе помочь, и для этого ты должна научиться мне доверять. Сперва хотя бы чуть-чуть. Как считаешь, у тебя получится?

Я безмолвно взираю на него. Судя по выжидающему взгляду, доктор Эрнандес даже не представляет, о чем просит.

— Начнем с простого, — предлагает он. — Может, назовешь свое имя?

Я не отвечаю, но продолжаю глядеть ему в глаза.

— Ладно, — произносит он. — Все в порядке. Тогда давай так: я задаю вопрос, а ты просто киваешь или качаешь головой. Говорить не придется.

Я сижу не шелохнувшись, стараюсь даже не моргать. Улыбка на лице доктора Эрнандеса слегка меркнет.

— Нет? Не хочешь попробовать?

Я моргаю — глазам уже больно, — и только. Он кивает и что-то записывает в один из блокнотов. Я слежу за тем, как перо скользит по бумаге, и мне любопытно, что же он про меня пишет, но задать вопрос я не могу.

— Хорошо, — говорит доктор Эрнандес, отложив ручку в сторону. — Меньше всего я хочу, чтобы ты чувствовала себя под каким бы то ни было давлением. Могу лишь догадываться, как тебе тяжело, так что, пожалуй, на данный момент будет лучше, если ты вернешься к себе, и мы продолжим общение завтра. Ты не обязана говорить со мной, и гарантирую, никто — и я сам в первую очередь — не станет тебя принуждать. Однако, если бы я искренне не верил, что наша беседа пойдет тебе на пользу, меня бы здесь не было.

Я подавляю желание кивнуть, в то время как отец Джон в моей голове орет, что я еретичка и что он всегда знал: я притворщица. Доктор Эрнандес снова кивает, дарит мне широкую улыбку и принимается складывать блокноты и ручки в кожаный портфель.

— Ну ладно, — произносит он, — отдыхай. Увидимся завтра.

Сестра Харроу отводит меня обратно в мою комнату. Пока мы идем по серым коридорам, я молчу, и все же перед тем, как закрыть и запереть дверь, она мне улыбается.

Я обвожу помещение взглядом — полагаю, теперь это мой дом. Тут не сказать чтоб просторно, но и не тесно; на Базе было много комнатушек куда меньше размерами, к тому же здесь есть умывальник, туалет, письменный стол и стул. Дверь запирается снаружи, так что всё практически по-старому.

После того как сестра Харроу привела меня сюда вчера вечером, я обнаружила на столе стопку одежды, а рядом — толстую пачку бумаги и коробки с карандашами, ручками и восковыми мелками. Серые тренировочные штаны, белье и носки, футболки, толстовки, спортивные тапочки на резиновой подошве. Большинство вещей в целлофановой упаковке, на всех — ярлычки с ценой. Кое-что из этого надето на мне сейчас. Без сомнения, это первая в моей жизни новая одежда.

На стене над дверью — электронные часы; светящиеся цифры на табло показывают 10:17. Сестра Харроу сказала, что каждый день ровно в девять утра будет приносить завтрак и в половину первого — ланч, а что я должна делать в перерыве, понятия не имею.

Я ложусь в постель и какое-то время рассматриваю потолок, после встаю и меряю комнату шагами, пока мышцы в ногах не начинают ныть, а в обожженной кисти под повязкой снова не вспыхивает боль. Тогда я сажусь за стол.

После Чистки на Базе запретили все книги, кроме Библии, бумаги и карандашей почти не осталось, но у меня сохранился простой альбом для рисования, который отец Патрик подарил мне, когда я еще была маленькой. Центурионы не могли не знать о нем — я никогда не прятала альбом, — но почему-то его не отбирали. На каждом листе